

**О НЕКОТОРЫХ ОСОБЕННОСТЯХ ЛЕКСИКИ
В «МЕМУАРАХ» ФИЛИППА ДЕ КОММИНА**

Т.А. Ткачева

Задачей данной статьи является выявление особенностей лексики «Мемуаров» Филиппа де Коммина в диахроническом, прагматическом и когнитивном аспектах на фоне динамических процессов в составе французского словаря на рубеже XV и XVI вв.

The purpose of the article is to detect some peculiarities of lexis in “Memoirs” by Philippe de Commines in terms of diachronic, pragmatic and cognitive aspects against the background of dynamic processes in the content of French dictionary at the turn of XV and XVI centuries.

Ключевые слова: социокультурный контекст, ситуативный контекст, эволюция лексики, унификация языка, заимствования, словообразование, синонимия, вариативность, изменение значения.

Key words: socio-cultural context, situational context, lexis evolution, unification of language, linguistic borrowings, word-formation, synonymy, variability, change of word semantics.

Особенности лексики в «Мемуарах» Филиппа де Коммина преломляются в трех лингвистических аспектах: диахроническом, прагматическом и когнитивном.

Анализ лексики с позиции изучения цели и особенностей историографического повествования, авторского начала, социокультурного контекста «Мемуаров», лексическая вербализация автором некоторых концептов, отражающих его восприятие мира, относится соответственно к прагматическому и когнитивному аспектам, которые тесно взаимосвязаны.

Диахронический аспект, включая в себя два вышеназванных аспекта лексики, предполагает изучение экстралингвистических условий формирования лексических единиц в изучаемом периоде (паралингвистический или социокультурный контекст), а также определение особенностей языковой эволюции в словаре эпохи и их отражение в «Мемуарах» Ф. де Коммина на основе сравнения с лексикой современного французского языка.

XV век во Франции вызывает интерес исследователей по многим причинам, как историческим, так и лингвистическим. Бурные исторические события повлияли на судьбу французской нации и французского языка, в частности, вызвали стремительный рост лексики. События XV в., которые потрясли страну во всех аспектах ее жизни, отразились на формирующемся национальном сознании, которое, в свою очередь, обусловило динамические процессы в словаре эпохи.

Несмотря на то что Франция к концу Столетней войны (1453 г.) была разорена опустошительными сражениями, эпидемиями и непосильными налогами, основным результатом стало растущее национальное самосознание, повлиявшее на распространение общенародного французского языка по всей территории Франции.

Самым значительным явлением в XIV–XV вв. для начала становления национального французского языка было появление огромного числа литературных произведений в прозе на народном языке и переводы с латинского. Переводческая деятельность, особенно переводы с латинского языка на французский, приобретают в XV в. грандиозные масштабы. По словам С. Лузиньяна,

писатели и переводчики, столкнувшись с языком культуры, обнаружили серьезные лакуны во французском словаре. Переводы с латинского стали главным фактором обогащения словаря латинскими заимствованиями [12, с. 104].

Однако кроме заимствования из латинского и других языков, средне-французский язык, как принято называть язык этого периода, обогащался и другими способами: развитие полисемии, появление новых слов за счет словообразования, метафоризация, расширение или сужение значений, появление устойчивых словосочетаний [7, с. 287].

А. Доза, характеризуя динамику словарного состава в конце Средних веков, называет этот период «кризисом роста, в течение которого исчезает часть ненужных слов, соответствующих исчезнувшим предметам или обычаям, слов, неудачно образованных, и слов стершихся; в это время тенденция обогащения действует в полную силу: увеличиваются заимствования, растет число производных и сложных слов» [2, с. 125]. Все исследователи французского языка признают, что значительная часть его современного словаря родилась именно в эту эпоху [12, р. 107].

Стремительное обогащение словарного состава французского языка в XV в. связано с активной творческой деятельностью писателей, поэтов и общественных деятелей, а также с речетворчеством самого народа, что ведет к социальному расслоению общенародного языка [5, с. 191; 13, р. 355].

Обогащению языка способствовала плодотворная литературная деятельность, появление новых литературных жанров и качественное развитие старых: расцвет лирической и народной поэзии (Карл Орлеанский, Франсуа Вийон), развитие жанра нравоописательного романа (Антуан де ла Саль), фарсы и мистерии, в которых зафиксированы некоторые формы разговорного языка, хроники, приобретаая субъектные характеристики, становятся мемуарами (Филипп де Коммин).

«Мемуары» Филиппа де Коммина, написанные в самом конце XV в. (1492–1498 гг.) и названные им «Хроника и история», по праву можно считать произведением, которое свидетельствует о языке эпохи, достигшем своей зрелости. Огюст Сент-Бев и вслед за ним Эмиль Фаге назвали «Мемуары» Филиппа де Коммина первым современным литературным произведением, которое написано на прекрасном языке конца XV в., окончательно сформированном и значительно более современном, чем язык многих писателей XVI в. В отличие от языка «Хроник» Фруассара (1333–1419) язык Коммина свободен от диалектизмов [11, с. 168]. Кроме того, его отличает простота и ясность, так как вопреки всеобщей тенденции к латинизации и релатинизации, Коммин не использует латинских калек и заимствований, которые серьезно отяжеляли произведения многих писателей XVI в. [10, с. 31].

Язык «Мемуаров» Филиппа де Коммина не перегружен латинскими кальками и заимствованиями по двум причинам.

Во-первых, Коммин не владел латинским языком, поскольку в детстве его готовили к военной карьере и не уделяли должного внимания изучению латыни и греческого языка. В культурных кругах высшего общества того времени незнание латинского языка считалось неграмотностью. Коммин признается в недостатке образования в предисловии к своим воспоминаниям, которые он пишет по заказу архиепископа Вьеннского, чтобы последний создал на основе них солидный исторический труд на латинском языке. Незнание латинского языка вовсе не умаляло его заслуг как опытного политика и мудрого советчика.

Во-вторых, создавая свои «Мемуары», Коммин не преследовал литературной или научной цели, это свободный и достоверный пересказ своих воспоминаний и интерпретация событий, свидетелем которых он был. Не случайно «Мемуары» имеют много признаков разговорного языка, хотя и не фамильярного. Этот факт дал основание К. Марчелло-Низия противопоставить «Мемуары» литературным произведениям других авторов этой эпохи, которые строго соблюдали правила латинской риторики [13, с. 44].

Важно отметить социальный статус языка Филиппа де Коммина. Вспоминая все, что он знал о герцоге Бургундском, Людовике XI и Карле VIII, находясь у них на службе, Коммин использует язык, свободный не только от латинизмов, но и от диалектизмов.

Филипп де Коммин, один из самых приближенных советников Людовика XI и опытный дипломат, о чем свидетельствуют его «Мемуары», с большим пристрастием относился к умению говорить хорошо, ясно, мудро, взвешивая каждое слово. Представляя короля, он говорил на языке французского королевства, то есть языке Парижа. Отсутствие диалектизмов в языке Коммина объясняется во многом нормирующей ролью королевского французского языка. Растущее использование французского языка королевской администрацией способствовало унификации языка. По свидетельству Ж. Монфрена, королевские указы в отличие от региональных письменных документов меньше всего маркированы диалектными чертами [14, р. 163]. Следует также заметить, что в конце XV в. общенародный язык представлял не только диалектальную дифференциацию, но и варианты, представляющие социальные слои общества. Понятно, что «Мемуары» Филиппа де Коммина не могут служить материалом, свидетельствующим о проникновении в общенародный язык именно в этот период большого количества лексики самых низких слоев населения, лексики, которую только с XVII в. стали называть «арго» [13, с. 363].

Итак, кратко охарактеризовав социокультурный и паралингвистический контекст «Мемуаров» Ф. де Коммина, обратимся непосредственно к тексту.

Словарь Коммина отражает активные процессы обогащения абстрактной лексики французского языка как количественно, так и качественно. Одним из самых продуктивных ресурсов является словообразование. Можно наблюдать динамику словообразовательных процессов на примере одной лексемы «отъезд», которая в речи Коммина получает множество вариантов с одним и тем же корнем *-part-*:

1) **le partement** – суффиксация: *Ung peu avant son partement, avoit mys en deliberation s'il feroit mourir ses otages, ou qu'il en feroit* [8, р. 184] – *Незадолго до его отъезда решался вопрос о заложниках – казнить их или поступить как-то иначе* [4, с. 106];

2) **le departement** – префиксация и суффиксация: *Le dernier endroit ou je me suis teu de nos affaires de par deça, ce esté au departement que feit le duc de Bourgogne de devant Amyans* [8, р. 356] – *Последнее, что я рассказал о наших делах по сю сторону моря – это отъезд герцога Бургундского из-под Амьена* [4, с. 166];

3) **la departie** – префиксация: *Et ainsi partit de la ville, comme bien conseillé, o l'aide dudit Paul Orsin, qui fut une piteuse departie pour lui* [9, р. 106] – *Он вынужден был покинуть город, и это был для него позорный отъезд* [4, с. 365];

4) **le partir** – субстантивация инфинитива: *Le Roy, en continuant son chemin au partir de Lyon, se mist sur la rivièrre de Loyre à Rouenne et vint à Tours* [9, р. 166] – *Выехав из Лиона, Король направился по реке Роана к Туру* [4, с. 238];

5) **le partir** – префиксация и субстантивация инфинитива: *Je lui dis ce que la Seigneurie m'avoit dit au partir, devant ung de ses secretaires appelé Bourdon* [9, p. 186] – В присутствии одного из его секретарей по имени Бурден я передал ему то, что сообщила мне при отъезде Синьория [4, с. 396].

Обращаясь к когнитивному аспекту словообразования, мы делаем попытку в нашем исследовании объяснить подобное явление с помощью теории психосистематики, которая основана на учете постоянной динамики языка и речи.

В рамках теории психосистематики речевой деятельности подобную словообразовательную вариативность одного и того же слова можно объяснить процессом установления системности на этапе морфогенеза. То есть в лексической системе нет единого устоявшегося варианта, но несистемный свободный выбор формы одной и той же лексической единицы ограничен замкнутой системой существующих словообразовательных аффиксов. Окончательное оформление слова (морфогенез) является частью дискурсивного времени, то есть фактом речи, а не оперативного времени, как в системе современного французского языка [3, с. 108–109].

Ни одно из этих слов в значении «отъезд» в современном словаре не существует, единственным устоявшимся (нормативным) вариантом является вариант *le départ*, который в изученном нами тексте «Мемуаров» не выявлен.

Примеры других конкурирующих словообразовательных моделей: *habit / habillement; pensee / pensement; venue / venir* и др. Подобное варьирование может служить также одним из косвенных свидетельств приближения формы повествования Ф. де Коммина к устной форме речи.

Будучи ярким представителем своего времени и во многом опережая его, Коммин использует в своей речи, наряду со старыми словами, новые. Г. Гейдель, работавший над словарем Ф. де Коммина, выделил синонимические пары, в которых:

1) борьба между новыми и старыми словами с общим значением еще не вошла в решающую фазу и оба слова используются Коммином равноценно, но второе одержит верх в современном языке в ущерб первому: *mander* и *envoyer* (посылать); *amuser* и *arrester* (задерживать, заставить остаться); *doubter* и *craindre* (опасаться); *cuider* и *penser* (думать, предполагать); *haulser* и *lever* (поднимать); *edifier* и *bastir* (строить); *cheoir* и *tomber* (падать); *diligence* и *haste* (спешка); *usance* и *coustume* (обычай);

2) пары синонимов, в которых первое слово еще преобладает над вторым: *bailler / donner* (давать); *muer / changer* (изменять); *presenter / offrir* (предлагать); *user / employer* (использовать); *deceu / tromper* (обманывать); *clore / fermer* (закрывать); *charger / accuser* (обвинять); *enquerir / interroger* (допрашивать); *ouïr / entendre* (последнее еще очень редко в значении слышать);

3) пары синонимов, которые конкурируют между собой и в современном языке: *commander / ordonner* (командовать); *mener / conduire* (вести);

4) пары, в которых первое слово, входящее в современный язык, уже преобладает и у Коммина: *vivre / regner* (жить, существовать); *cherrcher / querir* (искать); *mourir / trespasser, finer* (умирать) [11, с. 165].

Значительная часть лексического состава «Мемуаров» – это термины, относящиеся к военному делу, политической администрации и дипломатии. Коммин лично выполнял многие дипломатические миссии, принимал участие в военных кампаниях своих господ. Рассказ Коммина, идущий из самого сердца событий, свидетелем которых он был, поражает ощущением реальности описываемых событий, что свидетельствует о достоверности языка его

эпохи. Большую роль в описании событий играют многочисленные синонимы, среди которых старые слова чередуются с новыми.

Несмотря на такое обилие синонимов, к уже имеющимся синонимам определенной тематической группы автор добавляет перифразу или выражение, усиливающее общее значение и имеющее экспрессивный смысловой оттенок благодаря образности. Использование его в тексте дает возможность почувствовать субъективное, оценочное отношение автора к описываемым событиям или явлениям. Так, только для передачи значения «вражда», «ссора» в арсенале Коммина – целая серия синонимов: *adversité, querelle, division, different, difference, dissention, discord, brouillis, attine, noyse, question, picque, debat, inimities, bande*. В этом ряду синонимов наиболее стилистически окрашенным является существительное *picque* (ср. в русском: *говорить, делать в пику*), означающее легкую ссору, стычку двух или нескольких человек, обменивающихся взаимными колкостями: *En effect c'est de partie ceste assemblee plaine de mocquerie et de picque: oncque puis ces deux roys ne se aymerent* [8, p. 236].

Больше остроты рассказу о распрях добавляет используемое Коммином выражение *haulsser la teste* (*поднять голову, взбунтоваться против*): *Car, defaict que fut le duc de Bourgogne, oncques puis ne trouva homme qui osast haulsser la teste contre luy ne contredire a son vouloir* [9, p. 138].

К синонимическому ряду со значением «вести переговоры» (*traiter, pratiquer, besongner, marchander, ambassader*) Коммин добавляет выражение “*aller et venir*” (*ездить, ходить туда-сюда*), которое становится характерным для мемуариста: оно подчеркивает усилие, которое прилагал король для достижения мира, принимая и отправляя посольства: *Le Roy envoya devers lui sur ses matieres, et y eust plusieurs allées et venues* [8, p. 284]; *Et sur ces propres entrfaictes alloient et venoient maints ambassadeurs des ungs aulx aultres, tant secretz que publicques* [8, p. 356].

Наряду с синонимами *ouïr, escouter* Коммин очень часто использует выражение *prester l'oreille* (*внимательно слушать, прислушиваться*), и это выражение, одно из самых излюбленных у мемуариста, показывает, какую важность Коммин придавал умению короля Людовика XI прислушиваться к своим подданным: *Nul homme ne presta jamais tant l'oreille aux gens ny ne se enquist de tant de choses, comme il faisoient, ny ne voulut congnoistre tant de gens* [8, p. 134].

Постоянно используя синонимы *trepasser, mourir, finer* (*умирать*), которые в «Мемуарах» имеют совершенно нейтральное значение, Коммин применяет более возвышенные и экспрессивные лексические единицы *rendre l'âme, deceder, departir de ce monde* (*отдать богу душу, уйти в мир иной*), рассказывая о смерти королей Людовика XI и Карла VIII на фоне философских рассуждений о равенстве всех перед смертью.

Обогащение словарного состава языка в среднефранцузском языке проходило также с помощью добавления нового значения уже существующих слов. Этот процесс является постоянным, но в описываемый период он был особенно интенсивен, поскольку в языке остро ощущался недостаток абстрактной лексики [13, с. 355]. Главным условием формирования у слова нового значения является контекст. Как отмечает Н.Ф. Алефиренко, речевая ситуация и контекст способны обострить, уточнить семантические акценты слова, выделить необходимые для данного общения, то есть коммуникативно значимые, смыслы [11, с. 77].

Большое количество примеров изменения и приобретения нового значения слова в зависимости от контекста можно наблюдать и в «Мемуарах» Филиппа де Коммина. Согласно концепции М.В. Никитина, изменение значения слова может быть связано с изменениями прагматической и когнитивной составляющих. Прагматический компонент значения отвечает за субъективную оценку всего наблюдаемого и переживаемого человеком с точки зрения его интересов и ценностной ориентацией в мире. С когнитивной стороной изменения значения связано объективированное познание мира, его сущностей, связей, зависимостей [6, с. 89].

В рамках данной статьи приведем один из многочисленных примеров многозначных лексических единиц из «Мемуаров», значение которых является шире, чем в современном французском языке и включают развитие обоих вышеназванных компонентов значения.

Существительное *condition* кроме значений, восходящих к латинскому «*conditio*» (состояние, свойство, условие) приобретает у Коммина в зависимости от контекста другие значения: характер, темперамент, социальное положение, моральные качества. Сравним с переводом на современный французский (J. Dufournet) и русский (Ю.П. Малинин) языки:

1) «характер, темперамент»: *Mais, a bien congnoistre la condition dudit duc, le roy luy faisoit beaucoup plus de guerre en le laissant faire... – Mais, compte tenu du caractère du duc, le roi lui livrait une guerre beaucoup plus efficace en le laissant faire* [9, p. 166]; *Хорошо зная натуру герцога, король гораздо успешнее воевал с ним, когда предоставлял ему свободу действий* [4, с. 238];

2) «социальное положение»: *Pour auctorité tenoit leans ung homme ou deulx auprès de luy, gens de petite condition et assez mal renommez. – Pour ce qui est de l'auctorité il gardait dans ce lieu auprès de lui un ou deux hommes, des gens de basse condition et d'assez mauvaise réputation* [9, p. 378]; *Для осуществления управления он держал при себе одного или двух человек, низкого происхождения и имевших довольно дурную славу* [4, с. 314].

3) «уровень морали»: *... Et disoient quelques ungs de petite condition et de petite vertu que c'est crime de lese majesté que de parler assembler Estatz. – Quelques individus de basse condition et de peu de merite disaient ... que c'est un crime de lèse-majesté que de parler d' assembler les états généraux... [9, p. 284]; ... А кое-кто из захудалых и недостойных людей не раз высказывался, что-де вести речь о собрании сословий – значит оскорблять величество и умалять власть короля* [4, с. 279].

Как видим из примеров, существительное *condition* в значении (1) используется только в среднефранцузском языке. Коммин часто использует это существительное при описании характера той или иной нации – знание, которое было необходимо для дипломатов, государственных деятелей и самих государей. В тематической группе «Переговоры» эта лексема занимает важное место и является ключевой в его концепции межкультурной коммуникации, описанию которой Коммин отводит немало места.

Значения (2) и (3) существительного *condition* у Коммина взаимообусловлены. В этом важную роль играет определение *petite* и сопутствующая однородная атрибутивная группа, означающая низкие моральные качества (*assez mal renommez, de petite vertu*). Подобная сочетаемость приводит к ухудшению значения существительного *condition* с определением *petite*, отождествляя значения «низкое происхождение» и «низкие моральные качества».

Эти примеры показывают, как общеязыковое значение существительного *condition* (свойство, состояние) приобретает разные смысловые реализации в зависимости от ситуативного, социокультурного и речевого контекстов [11, с. 79].

Проведенный анализ некоторых аспектов лексики «Мемуаров» Ф. де Коммина позволил проследить прагматическую направленность использования лексических единиц в изучаемом тексте, вариативность словообразовательных процессов формирующегося языка, когнитивные процессы познания действительности, проявляющиеся в изменении значения слов и, наконец, выявить особенности лексики, в которых отражается эпоха написания этого произведения и языковая картина мира его автора.

Список литературы

1. Алефиренко Н. Ф. Спорные проблемы семантики : монография / Н. Ф. Алефиренко. – М. : Гнозис, 2005. – 326 с.
2. Доза А. История французского языка / А. Доза ; пер. с фр. ; под ред. и с предисл. М. С. Гурычевой. – М. : Едиториал УРСС, 2003. – 472 с.
3. Гийом Г. Принципы теоретической лингвистики / Г. Гийом // Языковеды мира : пер. с фр. П. А. Скрелина / общ. ред., послесл., коммент. Л. М. Скрелиной. – М. : Прогресс, 1992. – 224 с.
4. Коммин Ф. де. Мемуары / Ф. де Коммин ; пер. с фр., комм., вступ. ст. Ю. П. Малинина. – М. : ОЛМА ПРЕСС Инвест, 2004. – 512 с.
5. Катагощина Н. А. История французского языка / Н. А. Катагощина [и др.]. – М. : Высшая школа, 1976. – 319 с.
6. Никитин М. В. Основания когнитивной семантики : учеб. пос. / М. В. Никитин. – СПб. : Изд-во РГПУ им. А.И. Герцена, 2003. – 277 с.
7. Скрелина Л. М. История французского языка : учеб. / Л. М. Скрелина Л. А. Становая. – М. : Высшая школа, 2001. – 463 с.
8. Commynes Ph. de. Mémoires : Livres I–III / Ph. de Commynes // Présentation et traduction par Jean Dufournet. (Edition bilingue). – Paris : Flammarion, 2007. – 452 p.
9. Commynes Ph. de. Mémoires : Livres IV–VI / Ph. de Commynes // Présentation et traduction par Jean Dufournet. (Edition bilingue). – Paris : Flammarion, 2007. – 560 p.
10. Faguet E. Seizième siècle: études littéraires / E. Faguet. – Paris : Lécène, Odin et Cie, Editeurs, 1894. – 457 p.
11. Heidel G. La langue et le style de Commynes / G. Heidel. – Leipzig : Selbstverlag des romanischen Seminars – Paris : Droz, 1934. – 182 p.
12. Lousignan S. Langue française et la société du XIII au XV siècle / S. Lousignan: Deuxième partie // Nouvelle histoire de la langue française: collectif dirigé par Jacques Chauraud. – Paris : Edition Seuil, 1999. – 145 p.
13. Marchello-Nizia Ch. Histoire de la langue française aux XIVe et XVe siècles / Ch. Marchello-Nizia. – Paris : Bordas, 1979. – 382 p.
14. Monfrin J. Humanisme et traduction au Moyen Age / J. Monfrin // Journal des Savants. – 1963. – P. 161–190.

ЦВЕТОПИСЬ ВОДНОЙ СТИХИИ В ЯЗЫКОВОЙ КАРТИНЕ МИРА ДИНЫ РУБИНОЙ

Н.А. Туралина, О.Н. Ольхова

В статье исследована индивидуально-авторская специфика цветоименований в художественной прозе Д. Рубиной. Водная стихия – одна из доминирующих в произведениях автора, потому весь спектр цвета представлен в художественном дискурсе Д. Рубиной при изображении воды.

In article individually-author's specificity color and names in D. Rubinoj's art prose is investigated. Water elements – one of dominating in products of the author therefore all spectrum of color is presented in D. Rubinoj's art discourse at the water image.